

надежными и взаимодополняющими данными для их использования в темпоральной модели развития культуры.

Итак, благодаря цветовым предикатам времен мы получили возможность цветовой датировки и систематизации памятников мировой культуры по различным граничным условиям, что, в свою очередь, может включать в себя и определенные критерии верификации новых артефактов.

Библиография

Барышева Я.А. Культурно-аксиологический аспект колоратива «серый» // Вестник Иркутского гос. лингвист. ун-та. Сер. Филология. 2010. № 4.

Волков Н.Н. Цвет в живописи. М., 1985.

Гринфельд Т.Я. «Серый» цвет в художественном мире М.М. Пришвина // Цвет и свет в художественном произведении. Сыктывкар, 1990.

Дзикевич С.А. Эстетика рекламы. М., 2004.

Жинкин Н.И. Четыре коммуникативные системы и четыре языка // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965.

Самарина Л.В. Гендерный диморфизм в цветовой терминологии народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 2010. № 1.

Суздальцева С.Н. Репрезентация чувственно-интеллектуальной информации на примере черного цвета // Вестник Нижегородского университета. 2008. № 6.

Федоров-Давыдов А.А. И.И. Левитан. Жизнь и творчество. М., 1966.

Харви Дж. Люди в черном. М., 2010.

Юнг К.Г. Проблема души современного человека // Архетип и символ. М., 1991.

Pastoureau M. NOIR. Histoire d'une couleur. P., 2008.

Р.И. Сефербеков

БОГИ-ПАТРОНЫ КУЗНЕЧНОГО ДЕЛА И ПЕРВЫЕ КУЗНЕЦЫ У ТАБАСАРАНЦЕВ И АБХАЗОВ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Как известно, кузнечное ремесло возникло в те далекие времена, когда у человека возникла необходимость в изготовлении орудий труда и оружия из металла. Появились особые люди, про-

фессионально занимающиеся этим видом деятельности, то есть кузнецы. Их роль и значение возрастало с включением в обработку более прочного, чем медь и бронза, металла — железа.

Сама личность кузнеца в этой связи обретала некий мистический ореол. Во всех дагестанских языках имеются местные названия слова «кузнец», все они связаны с железом или с кузней. Даже ряд собственных имен, например у аварцев, был связан с металлом — Къебед (кузнец), ПохъутIа (медник), Чаран (сталь), Меседу (золото), Пулад (литая сталь) [Шихсаидов 1969: 51].

Не являются исключением и табасаранцы, у которых в языке, в названиях тухумов (семейно-родственных групп), в топонимах сохранились слова, относящиеся к железу или к кузнечному ремеслу. В целом ряде сел имеются тухумы потомственных кузнецов — Устйир. В Табасаране есть селение Цанак (Цанакк), название которого некоторые исследователи связывают с кузней (*жанак*) [Гасанов 1978: 21]. В окрестностях с. Аскан Ярак находятся родники «*Тур гъебу шид*» («Вода, которую ударили мечом»), «*Рукъан шид*» («Железная вода»), а также лес «*Рукъан гъар*» («Железный лес»). В ковроделии применялись узоры «*Тур-рар*» («Мечи»), «*Тапанча*» («Пистолет»). Сохранилась легенда о поклонении табасаранцев мечу арабского полководца Абумуслима [Бобровников, Сефербеков 2003: 154–214]. Само табасаранское слово *рукъ* («железо»), от которого произошло название кузнеца — *рукъан уста* («мастер по железу»), по мнению Ф. Борка, очень близко стоит к грузинскому названию железа — *рклина* [Борк 1908: 16]. Табасаранские названия «железа», «кузнеца» и «кузницы» относятся к общекавказскому лексическому фонду [Климов, Халилов 2003: 39, 140, 146].

В силу того что табасаранцы рано подверглись исламизации, у них почти не сохранилось мифов о первых кузнецах и богах-патронах кузнечного дела. Все же у некоторых потомственных кузнецов интересующие нас сведения сохранились. Так, по словам Гусейнова Амирчубана из с. Хив, покровителем кузнечного дела у табасаранцев был ангел (*малаик*) *Гьяфис*. Он считался основателем кузнечного дела у табасаранцев. К нему обращались с молитвой, начиная работу в кузне и особенно при закаливании

железа: «Я, Гьяфис, кьуват тув, кумек аnIun!» («О, Гьяфис, дай силу, помоги!»).

Имя патрона кузнечного дела дошло до нас в исламизированном виде — ангел *Гьяфис*. По звучанию оно весьма близко *Гэфесту* — богу огня и кузнечного дела в греческой мифологии [Лосев 1994: 299–300]. Не исключено заимствование в результате миграции мифологических сюжетов. Махмудов Юсуф из с. Джули поведал нам, что первым кузнецом у табасаранцев был *Давуд*-пейгъамбар (пророк *Давуд*). Он раскалял докрасна железо под мышкой и обрабатывал его кулаком на коленях. Однажды *Давуд* так сильно обжегся о железо, что с его руки слезла кожа. В гневе он пожелал, чтобы и с железа такая же «кожа» слезла. С тех пор окалину считают кожей пророка *Давуда*. Так как *Давуд* уже не мог ковать железо прежними методами, он придумал клещи, прототипом которых послужили скрещенные лапы собаки.

Довольно близок по содержанию и смыслу приведенным мифам аналогичный миф у абхазов, у которых «*Шаша* или *Шаиш* был первым кузнецом. Раскаленное железо он ковал не щипцами, а руками, и ковал не на наковальне, а на своих коленях. Он — изобретатель не одного только кузнечного дела, но и изобретатель-покровитель 363 других ремесел. Он чрезвычайно могуществен и горяч. Сама кузница, со всеми ее принадлежностями, есть образ *Шаша*» [Джанашвили 1892: 53].

Этот миф абхазов приводят и другие авторы, но имя первого кузнеца, по их данным, другое. Так, Е.М. Шиллинг приводит следующую версию этого мифа: «В старину, когда жили богатыри “нарты”, был кузнец *Айнар*. Колени служили ему наковальной, а руки молотом и щипцами. На коленях он ковал оружие и разные железные вещи. От него у абхазов будто бы и пошло кузнечное ремесло» [Шиллинг 1931: 64].

Данный текст почти полностью совпадает с вариантом мифа, записанного Н.С. Джанашиа: «В старину, когда люди-богатыри вели борьбу с дивами, а особенно в славное время нартов, жил кузнец по имени *Айнар-ижый*. Ему стальные его колени служили наковальнею, правый кулак — чугунным молотом, а левая рука — щипцами. Он делал исключительно медные изделия» [Джанашиа 1960: 75].

По данным И.А. Аджинджал, покровителем кузнечного ремесла у абхазов был *Шашвы*. *Шашвы* сообщил первому кузнецу свои знания по кузнечному ремеслу и передал ему орудия труда: молот, наковальню и щипцы, известные у абхазов под названием *хнапык* («три руки»). Первого кузнеца, *Ажия*, поселенцы стали считать не просто человеком, а посредником между божеством кузни *Шашвы* и ими, служителем божества кузни. То место и ту мастерскую, где *Ажий* приготовил первые орудия труда, почитали как святое место, где пребывало божество кузни *Шашвы* [Аджинджал 1969: 233].

Следует отметить, что при описании мифического образа первого кузнеца *Давуда* у табасаранцев нельзя исключать влияния мусульманской мифологии, в которой пророк *Дауд* является покровителем металлургии и металлических инструментов [Пиотровский 1994: 354]. Вероятно, под исламскими именами *Гьяфис* и *Давуд* в прошлом фигурировали местные языческие божества, утратившие со временем свои исконные названия. Как писал в этой связи В.Н. Басилов, «мусульманские святые сохранили не столько функции, сколько мифологическую характеристику древних божеств» [Басилов 1970: 24–25].

Сама кузня и находившиеся в ней орудия труда почитались табасаранцами. С ними же были связаны и определенные запреты. Например, кузнечные орудия труда было запрещено одалживать в пользование посторонним. По народным представлениям, кузня такое же священное место, как и мечеть: намаз, совершенный в кузне, приравнивался к намазу, совершенному в мечети. Особо почитаемой была наковальня (*гаварзал*) — «на ней все предметы куются», «к ней при молитве разрешается лбом прикасаться». Прежде чем кузнец пил воду, он брызгал на наковальню — «и она хочет пить». Вода, которой омывали наковальню, считалась лекарством от женского бесплодия.

По наковальне нельзя было попусту бить молотком, класть на нее какие-нибудь посторонние, не относящиеся к кузнечному делу предметы, за исключением хлеба, воды и Корана. На наковальню же клались и дары — продукты, приносимые людьми, обрацавшимися к кузнецу для излечения некоторых болезней.

Особая роль наковальне отводилась при присяге. В присутствии кузнеца присягающий, положив руку на наковальню, клялся ею. Такая клятва считалась особенно крепкой. По свидетельству же Е.М. Шиллинга, у абхазов все мелкие дела разбирались при помощи присяги перед наковальней [Шиллинг 1931: 63]. «Таким образом, — писал Г.Ф. Чурсин, — наковальня, как важнейшая принадлежность кузни, сама по себе выступает в роли святыни, которую почитают и которой клянутся» [Чурсин 1956: 69].

Следует подчеркнуть, что кузнецы у табасаранцев находились на особом положении [Чурсин 1927: 96] и по алату к присяге не допускались [Комаров 1868: 19, прим. 4].

Велика была роль кузнеца и в народной медицине табасаранцев. К нему обращались при некоторых женских и детских заболеваниях. Интересно отметить в этой связи, что бог кузнечного дела у черкесов — *Тлети* — был одновременно и богом-целителем, а кузница была местом совершения лечебных обрядов [Токарев 1990: 398].

В народе существовало убеждение, что причиной некоторых женских и детских болезней был сглаз. Для излечения больного в кузню отправляли человека с сосудом за «водой из кузни» (*жадан шид*). Так называлась вода, в которой калили железные предметы. Благодаря своему химическому составу она действительно могла обладать лекарственными свойствами. Эту воду давали пить больному, ею омывали его тело. Подобными же свойствами, по народным представлениям, обладала и «вода из-под точильного круга» (*ахлин шид*). Из-под круга брали землю, разводили ее в воде и давали пить больному как лекарство.

Если тяжело заболел ребенок, его несли в кузню, сажали на наковальню и, давая пить «воду из кузни», приговаривали: «*Гаварзалси гужлир ва сагъур ишриву!*» («Чтоб ты был силен и здоров, как наковальня!»). Здесь же кузнец выковывал амулет зооили антропоморфной формы из семи сортов металла, который пришивали к правому плечу одежды ребенка. Иногда такой амулет в форме руки выковывали из серебра, взятого из семи домов родственников по материнской линии.

Вообще, как отмечал Г.Ф. Чурсин, число семь в культе кузни играло довольно заметную роль [Чурсин 1956: 67–68]. Из семи

кусков железа кузнец у табасаранцев изготавливал ожерелье или браслет женщине, у которой часто умирали в младенчестве дети. У аварцев кузнец выковывал такой браслет женщине из девяти кусков железа [Чурсин 1995: 52]. В свою очередь, и у черкесов, если у женщины умирали дети, то заболевшего ребенка несли в кузню. Жена кузнеца окунала его в воду для закалки и давала новое имя: девочке — Чими-хан (*чими* — «кузница»), мальчику — Чимнукх («сын кузнеца») [Жардецкая 1940: 61].

Исключительная роль кузнеца у табасаранцев подчеркивалась не только при его жизни, но и после смерти. На могилах кузнецов вплоть до 90-х годов XX в. устанавливали в качестве надмогильного памятника точильный круг *ахал*. Обычно для таких целей использовали старый, непригодный в работе круг, но если такого не находили, изготавливали новый. Его зарывали в землю по отверстие в середине. На поверхности точильного круга, как правило, не высекалось никаких символов или надписей. Возможно, этот обычай является отголоском прежней традиции класть в могилу человека его орудия, оружие, утварь, украшения в надежде, что данные предметы могут ему пригодиться на том свете.

Таким образом, можно констатировать, что вплоть до недавнего времени у табасаранцев существовал культ кузнечного дела, который донес до нас имена патрона кузнечного дела и первого кузнеца, имевших своих аналогов у абхазов, других народов Кавказа и мира.

Список информантов

Гусейнов Амирчубан, 1940 г.р., с. Хив Хивского района Дагестана.

Махмудов Юсуф (1910–1993 гг.), с. Джули Табасаранского района Дагестана.

Библиография

Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии: Материалы и исследования. Сухуми, 1969.

Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М., 1970.

Бобровников В.О., Сефербеков Р.И. Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003.

Борк Ф. Заметки о кавказских языках // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38.

Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII — начала XIX в. Махачкала, 1978.

Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. Тифлис, 1892.

Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.

Жардецкая Н. Народная медицина и лечебная магия у черкесов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940.

Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М., 2003.

Комаров А.В. Адагы и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Лосев А.Ф. Гефест // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1.

Пиотровский М.Б. Дауд // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.

Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов // Изв. Кавказ. историко-археологического ин-та. Тифлис, 1927. Вып. 6.

Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956.

Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / Под ред. Р.И. Сефербекова. Махачкала, 1995.

Шиллинг Е. Абхазы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. 2.

Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969.

Р.И. Сефербеков

ОБ ОДНОМ МИФОЛОГИЧЕСКОМ СЮЖЕТЕ ТАБАСАРАНЦЕВ: «ЗМЕИ, ВЫПАДАЮЩИЕ С НЕБА»¹

Заметное место в мифологии и верованиях, связанных с животными, у табасаранцев занимали змеи. Табасаранцы верили в существование мифических «домовых змей», с которыми связывали благополучие и достаток в семье и доме. Таких змей не

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00079.